

Валентин Максименко

Семья Рубинштейн и Одесса

Сложилось так, что на протяжении десятилетий с нашим городом были тесно связаны жизнь и деятельность многих членов большой семьи Рубинштейн, сыгравшей значительную роль в истории отечественной культуры.

Начну со старейшины – Калерии Христофоровны (1807-1891). Эта женщина определила творческие пути своих выдающихся сыновей – Антона и Николая: именно ее воле и настойчивости они обязаны вхождением в мир музыки.

Первой в Одессу приехала сестра Антона Григорьевича – Любовь. Современники отмечали ее красоту, сравнивая с Мадонной Рафаэля, и вокальную одаренность. Ее контральто нравилось А. Г., и он сожалел, что сестра не стала профессиональной певицей.

Вскоре после приезда сестры в Одессу А. Г. писал, что Одесса для него «город обетованный» (1850 год), а в одном из его писем 1851-го читаем: «Мне несказанно захотелось поехать в Одессу». Подобные записи нередки.

В нашем городе жила и Софья Григорьевна. Она на 12 лет моложе А. Г., их отношения были дружественными, теплыми. С. Г. унаследовала волю и ум матери. Человек широко образованный (в круге ее интересов – история, социология, экономика, литература, искусство), она хорошо знала музыку, играла на фортепиано, сама пела и преподавала в Одессе вокал. По рекомендации видного юриста и музыкального деятеля Одессы Л.А. Куперника молодая А.В. Нежданова была представлена С. Г. Позднее в «Автобиографии» А. В. вспоминала: «Выслушав меня, она тотчас согласилась заниматься со мной бесплатно». Занятия продолжались около года.

С. Г. была причастна к одесскому кружку «чайковцев», который возглавлял Ф. Волховский; ее связывали дружеские отношения с народоволкой Верой Фигнер, сестрой знаменитого тенора Николая Фигнера (его гастрольные выступления на сцене одесского Городского театра определили выбор Неждановой профессии певицы).

По совету сестры А. Г. обратился к поэзии Вука Караджича и создал цикл сербских песен на тексты этого поэта. По просьбе сестры А. Г. написал романс «Узница» на стихи Полонского, посвященные Вере Засулич.

С. Г. жила в нашем городе под гласным надзором полиции, той самой, которая попустительствовала одесским погромам 1871 года. А. Г. писал матери: «Мы с отвращением следим за событиями в Одессе. Теперь уже все позади, но впечатление должно быть мучительным и неизгладимым».

А. Г. вообще беспокоился о сестре и ее судьбе. 26 января 1883 года он пишет матери: «Скажи ей (Софье. – **В. М.**) от моего имени, что ей следует теперь (до Рубинштейна дошли сведения о готовящемся процессе «Народной воли». – **В. М.**) больше, чем когда-либо быть осторожной в отношении всего, что она делает и что говорит каждому и всякому, с кем встречается...».

26 сентября того же года: «Очень обеспокоен по поводу Софиньки из-за обыска (о нем ему сообщила мать. – **В. М.**). Надо быть очень осторожной! И даже с ближайшими знакомыми говорить (и особенно писать) только о погоде, театре...».

Надзор был столь строгим, что С. Г. не разрешили выехать даже на похороны брата Николая...

А. Г. трогательно заботился на протяжении всей жизни и о матери, и о сестре, и о брате. Н. Г. был неудачно женат: его супруга Елизавета Хрущева и ее семья категорически возражали против его артистической деятельности и вместе с тем настаивали на большом числе частных уроков из экономических соображений. Любопытно, что жена самого А. Г. Вера Чекуанова – напротив – настаивала на концертной деятельности мужа, полагая, что таким образом ему нетрудно решать материальные проблемы семьи. Это досаждало Рубинштейну, ибо отрывало от композиции, которую он считал главным делом жизни.

В январе 1859 года А. Г. пишет матери: «Я отговаривал его (Николая. – В. М.), насколько мог, от того, чтобы давать слишком много уроков. Надеюсь, что он понял правильность этого и что отныне будет больше заниматься публичной деятельностью» (речь идет о концертировании).

Несколько месяцев спустя тому же адресату: «Николаю следовало бы поехать вместе с Вами в Одессу и дать несколько концертов, так как там летом сезон».

Н. Г., подобно брату, начинал пианистическую деятельность как вундеркинд. Его приветствовали Шопен и Лист, консультировали Мейербер и Мендельсон. Потом был перерыв в публичном исполнительстве, связанный с обучением на юридическом факультете Московского университета, а также с упоминавшимся запретом семьи жены. Любовь к музыке, однако, взяла верх: он высвобождается от гнета светских условностей, дает несколько концертов в Москве, а затем приезжает в Одессу. 13 июля 1859 года Н. Г. играет в помещении старой биржи (она располагалась на Приморском бульваре), а 17-го – в зале К. Гааза. Благодаря обозрению «Оперы и концерты» газеты «Одесский вестник» мы получаем возможность узнать, что Н. Г. играл произведения Генделя, Листа, Вебера, принял участие в исполнении трио брата. Обозреватель «Фагот» (под этим псевдонимом печатался П.П. Сокальский) констатирует: «Прием был из блистательнейших, каким когда-либо удаивался в Одессе лучший из артистов».

В ноябре 1873 года А. Г. пишет матери: «Николай, вероятно, уже был у Вас, играл и опять уехал. Как сошло? О том, понравился ли он, можно, пожалуй, не спрашивать, но хотелось бы знать, посчастливилось ли ему в денежном отношении?». Не посчастливилось и не могло посчастливиться: концерты были благотворительными.

В июне 1875 года мать получает очередное письмо А. Г.: «Николай был у Вас и, как я слышал, собирается со своим учеником в дальнее путешествие...». Этим учеником был только что закончивший курс обучения в консерватории С.И. Танеев. Заботясь о развитии таланта молодого человека, Н. Г. на собственные деньги везет его – через Одессу – познакомиться с культурой Греции, Турции, Италии... Как писал один из современников, Н. Г. «из своего

тощего кошелька» оплачивал многие общественные мероприятия, нередко попадая в сеть долгов. Не случайно в дни юбилея Н. Г. его друзья скупили векселя Н. Г. и... вручили ему их на подносе.

В годы русско-турецкой войны Н. Г. говорил: «Чем я могу помочь нуждающимся (семьям погибших и раненых. – **В. М.**), если у меня самого ничего нет? А между тем я занят делом, от которого надолго отрываться нельзя... И вот я прерываю его... Еду по России...». Проехав 12000 верст по городам и весям, дав десятки концертов и собрав 35000 рублей, он передал их «Красному Кресту». Одним из посещенных Н. Г. городов была Одесса, где он играл в самом начале 1878 года.

6 января «Одесский листок» опубликовал заметку «Концерт Н.Г. Рубинштейна», подписанную: «Бемоль».

Отношения братьев не были простыми, однозначными, но А. Г. всегда гордился успехами Николая.

После смерти брата А. Г. размышлял в письме к С. Г. в Одессу: «Мы давно не виделись, но я чувствовал руку брата, может быть, и он мою... Совсем пусто кругом. И я плакать не умею... Ежели бы хоть ты смогла в Москву (на похороны Н. Г. – **В. М.**)». Не смогла: не пустили. В письме трогательная лаконичная приписка: «маленьку не трогай». К. Х. тоже не была на похоронах Н. Г. А вскоре А. Г. сам навестил мать и сестер, а из Одессы уехал на гастроли в Англию.

Впервые Антон Григорьевич Рубинштейн гастролитировал в Одессе в июне 1850 года. С тех пор он был нередким гостем нашего города на протяжении почти четырех с половиной десятилетий. Это были и частные приезды для встреч с родными и близкими, и концертные выступления.

В один из приездов А. Г. «Одесский вестник» писал: «Имя его говорит само за себя. Нам остается только добавить, что Одесса после Листа лучшего артиста не слышала».

А. Г. был редким тружеником. Он не случайно говорил: «Работа – жизнь, праздность – умирание». В его легендарном «Коробе мыслей» есть такое высказывание: «Давать для меня – большее наслаждение, чем иметь». Это не просто красивые слова – за ними дела. Так, например, в 1868 году А. Г. давал в нашем городе бесплатные концерты в пользу местных музыкантов. В 1870 го-

ду оказал в Одессе же творческую и материальную помощь молодому талантливому скрипачу А. Бродскому (впоследствии тот стал выдающимся музыкантом, ему, первому интерпретатору, Чайковский посвятил свой ныне знаменитый Скрипичный концерт).

В 1882 году А. Г. концертировал в Одессе. Он познакомился здесь с юным пианистом, учеником местного педагога Ф. Кестлера (чешский музыкант работал в Одессе с 50-х годов) Василием Сапельниковым, который войдет в историю музыки как пианист, скрипач и композитор. Рубинштейн добился помощи юноше от городского головы, а затем помог поступить в Петербургскую консерваторию. 12 мая он пишет из Петербурга в Одессу: «Письмо от Сони получил и рад, что достигнут результат в этом деле (по-видимому, Сапельникова брату представила С. Г. – **В. М.**). Я говорил с Давыдовым (речь идет о русском музыкальном деятеле Карле Юльевиче Давыдове. – **В. М.**), и он велел ей сказать, чтобы она прислала этого юношу сюда... Жить он будет, вероятно, у Иогансена (следовательно, у своего будущего директора), а заниматься у Брассена, следовательно, будет во всех отношениях хорошо устроен». В сентябре А. Г. сообщает матери: «Маленький Сапельников приехал и принят после испытаний в консерваторию» (Василий Львович окончил ее по классу ученицы Листа, Бюлова, Таузига Софии Ментер).

В ноябре А. Г. спрашивает у К. Х.: «Правда ли, что Тедеско умер? Для Одессы это потеря». Игнац Амадей Тедеско (1817-1882) – чешский пианист, дирижер и композитор, работал в Одессе с 1840 года. Рубинштейн пытается помочь семье покойного. Позднее он напишет матери: «Для Тедеско ничего невозможно сделать. Большой пенсии добиться нельзя». И здесь же: «Деньги для матери Сапельникова обеспечены. Скажите ей, чтобы она написала Давыдову благодарственное письмо». Помощь людям у А. Г., таким образом, носила не эпизодический, разовый характер, он как бы принимал на себя ответственность за тех людей, с которыми его сводила судьба (в частности, он еще не раз будет помогать Сапельникову и т. д.).

А. Г. много внимания уделял организации музыкальной жизни нашего города. 14 ноября 1883 года он пишет матери о своих коллегах: «Есипова – замечательное существо. Во всяком случае,

она и Ментер – наилучшие пианистки. Если бы возможно было их слить воедино, вышла бы богиня фортепианной игры, но и каждую в отдельности я охотно принимаю. В эту зиму Вы получите многих артистов...».

Месяц спустя тому же адресату в Одессу: «Есипова и Ментер... очень довольны пребыванием в Одессе» (добавлю, что ученица Т. Лешетицкого Анна Есипова создаст одну из крупных отечественных школ пианизма; Ментер – гастролер мирового класса – примет участие в триумфальных одесских концертах Чайковского в 1893 году).

В 1883 году А. Г. провел в Одессе совещание музыкальной общности, поставив вопрос об организации здесь специализированного обучения музыке. Через год не без участия А. Г. в нашем городе откроется отделение Императорского русского музыкального общества (ИРМО), а в 1897 году – Музыкальное училище.

В конце восьмидесятых годов А. Г. выдвинул предложение об открытии двух правительственных консерваторий – на севере (инструментально-симфоническая музыка) и на юге (вокал). В числе возможных южных городов он назвал Одессу, полагая, что здесь благоприятный климат для певцов. Консерватория в Одессе была открыта в 1913 году. Успехи воспитанников ее вокальной кафедры (для примера назову хоть некоторых из обширнейшего списка – Чавдар, Христин, Сергиенко, Олейниченко, Руденко, Поливанова, Шемчук, Пономаренко, Огренич, Захарчук, Мукерия, Билый, Цымбалюк, Анисимова, Мельниченко, список обрываю с сожалением, из чисто стилистических соображений) вот уже около века свидетельствуют о прозорливости Рубинштейна.

Человек деликатный и сосредоточенный на творчестве, А. Г. не хотел стеснять своим присутствием других, даже самых близких. Собираясь в очередной раз в Одессу, он просит мать в августе 1884 года: «Снимите, пожалуйста, для меня номер в «Лондонской» с видом на море и велите поставить в гостиницу рояль».

В 1885 году А. Г. задумал «как окончание виртуозной деятельности представить в ряде концертов обзор постепенного развития фортепианной музыки», обзор, охватывающий более трех веков пианизма. Для подготовки концертов ему, по сути, понадо-

билась жизнь. Эти беспрецедентные концерты назовут историческими, о них скажут как о «геркулесовом подвиге». Но прежде чем выйти на эстраду, А. Г. решил провести в Одессе генеральную репетицию. В конце сентября в течение семи дней он сыграл в зале Витцмана для небольшого круга близких людей весь цикл, проверяя свою память и выносливость. В местной прессе прозвучат упреки в адрес музыканта, мол, слишком узким был круг его одесских слушателей. Своеобразный ответ находим в его письме матери перед поездкой: «Я хотел бы, чтобы знали как можно меньше о моем приезде, так как мне надо работать, и я вовсе не хочу знакомиться с многочисленными музыкальными гениями, которые бродят по Одессе». Музыканту необходима была сосредоточенность на деле, которое стало предварительным итогом его подвижнического труда в искусстве.

Не гладкими были его отношения с одесскими «музыкальными генералами». В 1888 году А. Г. пишет сестре: «Ваши музыкальные дела доходят до смешного, т. е. печального. Во всяком случае, назначение Климова освобождает меня от всякого интереса к вашему делу, т. к. он выступил публичным моим антагонистом здесь». Д.Д. Климов (1850-1917) – пианист, дирижер, педагог, был директором музыкальных классов, училища, деятелем ОО ИРМО. Климов обладал трудным характером, он находился в продолжительном конфликте с А. Г. Во всяком случае, несколько лет спустя Чайковский в письме к Купернику в Одессу писал: «Оппозиция Балаболкина (прозвище Климова. – **В. М.**) Рубинштейну очень комична (Климов, в частности, воспротивился организации традиционного концерта учащихся в честь высокого гостя города. – **В. М.**). Он слишком великий деятель ИРМО, и игнорирование его приезда есть оскорбление и бестактность, на которую он справедливо ответил презрением».

В 1888 году отмечалось 50-летие творческой деятельности А. Г. Он пишет матери: «Так называемые юбилейные торжества мне в высшей степени неприятны. Я бы их совсем запретил, если бы не усматривал в этом средства для достижения общественных музыкальных целей». Большой резонанс празднеств достиг и Одессы: с «неблагонадежной» сестры было снято полицейское наблюдение!

Весной 1890 года А. Г. побывал в Одессе и в письме к матери так подвел итоги этого визита: «Пребывание в Одессе дало мне новые силы».

В августе следующего года Рубинштейн снова в нашем городе. В сентябре скончалась его мать. Из письма А. Г. дочери Анне: «Уезжая из Одессы, я знал, что дело с матерью покончено... Однако катастрофа поразила меня. Что теперь будет с Соней? Я уже предлагал ей поселиться со мной, но ведь она сама себе человек...».

Дальнейшие письма в Одессу адресуются сестре Софье. Он стремится поддержать ее. Но и его моральные силы иссякают. К нему, по его же словам, приходит «полнейшее разочарование». В нем поселяется ощущение непонятости людьми. В драматическом письме к издателю Бартольфу Зенфу прорываются горчайшие строки: «Творчество мое потерпело неудачу, меня не хотят признавать композитором».

21 апреля 1893 года А. Г. присутствовал в одесском Городском театре на премьере очередной постановки «Демона». Спектакль прошел с успехом. Публика горячо приветствовала композитора, так много сделавшего для музыкальной Одессы.

В конце следующего года Антона Григорьевича не стало. Четверть века спустя ушла из жизни Софья Григорьевна, которая передала на хранение архив своей матери, содержащий ценнейшие письма Антона Рубинштейна, жительнице нашего города Е.А. Герасименко. У Елизаветы Аполлоновны он хранился до начала пятидесятых годов прошлого столетия. Ныне «одесский архив» А.Г. Рубинштейна находится в фондах Петербургской консерватории, основанной Антоном Григорьевичем в 1862 году.

